

ЛАПТЕВА О. А.

ТИПА ИЛИ ВРОДЕ?

I. В последнее время в русской разговорной речи очень распространилось словечко *типа*. Оно слышится и в бытовых разговорах, и в общественно адресованных выступлениях широких слоев носителей литературного языка, в особенности молодого и среднего поколения, а тем более людей с техническим образованием. Даже дети используют его в своей речи широко и свободно, что свидетельствует о его активности. Экспансия слова *типа* направлена не только по вертикали (оно захватывает речь нескольких поколений), но и по горизонтали: *типа* завладевает смежными сферами своего семантического поля, по традиции прочно принадлежавшими его синонимам *вроде*, *наподобие*, *как*, *такой как* и некот. др. Эти синонимы терпят урон, отступая в живой речи на позиции пассивного запаса литературного языка. Названная экспансия связана с внедрением в современное речевое общение стихии профессионально-производственного обихода, где высоко котируются способы точной номинации, логического определения понятия¹. Эта престижность «научности», смысловой точности языкового средства не исключает, а, более того, предполагает стремление к немножественности синонимов, наделенных разными лексическими и грамматическими оттенками значений, к стабилизации какого-либо из них. Обычно из ряда синонимов предпочитается тот, который соответствует языковой моде, а в ее формировании не последнюю роль играет некая шкала языковых ценностей, которая в нашем случае базируется на представлении о том, что речевая культура требует современных, «научных» способов выражения смысла.

История русского литературного языка знает немало случаев, когда слово из канцелярско-деловой или производственной сферы входило во всеобщее употребление. Этот процесс характерен не только для отдельных слов, но и для становления ряда пластов и групп русской лексики. По иронии исторического развития прямой предшественник слова *типа* — предлог *вроде* тоже берет свое начало в обиходе канцелярий, язык которых в начале и середине XIX в. не был четко отграничен ни от производственного, ни от общеупотребительного. *Вроде* и по своему корневому значению близко к *типа*: ведь *тип* и *род* — слова одной лексико-семантической группы с основным значением, направленным на классификацию, отнесение предметов к разряду им подобных. Однако этимологическая основа, «внутренняя форма» слова *въ родѣ*, его производственно-деловое происхождение сейчас совсем не ощущается. Осталось только значение предлога. Иногда слово *вроде* выступает и в функции частицы или наречия. В словаре Даля ни *вродѣ*, ни *въ родѣ* не отмечено, что свидетельствует о его сравнительно недавнем вхождении в литературный язык.

Е. Т. Черкасова, специально исследовавшая историю *вроде*, прослеживает изменение его употребления в русской художественной литературе XIX в. — от свободного двух- и трехчленного сочетания до предложного сочетания через стадию переходную, допускающую две возможности толкования: 1) при передаче отношений рода и вида *вроде* выступает как средство лексическое, причем субстантивность именного компонента поддерживается его функцией несогласованного определения; 2) при передаче определительно-сопоставительных отношений *вроде* выступает как

¹ Этот процесс регистрируется лингвистами, и притом не только лексикографами и лексикографами. Сошлемся здесь на словарь-справочник [1] и на статью Ф. П. Филина [2].

средство грамматическое, причем субстантивность именного компонента ослабляется выражением сравнения. Отмечается и приглагольное *вроде* [3, 4].

На фоне быстро осуществившейся грамматикализации *вроде* забылось его классификаторское значение (обозначение отношений рода и вида), оно стало восприниматься как обладающее лишь значением определительно-сопоставительным или приблизительного уподобления. В этих условиях понадобилось новое слово с широким комплексом значений и при этом обладающее явственным научно-техническим или деловым генезисом, обеспечивающим его стилистическое восприятие в качестве средства с возможностями точной номинации.

Таким *вроде* деятельным, теперь уже набравшим полную силу, конкурентом *вроде* стало *типа*. Оно возникло в недрах специальных сфер речевого общения. Сохраняя прочную связь со своим прародителем *тип*, оно до недавних пор использовалось только в тех контекстах, к которым применима помета «спец.». Специальный контекст расширялся лишь в случае употребления трехчленного сочетания «что-либо какого-либо типа», предполагающего наличие перед *типа* адъективного квалификатора или конкретизатора. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» отмечено только такое употребление *типа* при 5-м значении слова *тип* — «вид, род, разновидность чего-либо» (т. 15, с. 443), причем изменения категориальных свойств существительного в пользу другой части речи не отмечено. Отдельно, без видимых оснований, но, очевидно, как дань специальному происхождению *типа* оно отмечается в составе этой же конструкции, но с определенной лексикой — двигатель, танк, станок и т. п. какого-либо типа. При 6-м значении *тип* оно отмечается тоже в этой конструкции, но с другой лексикой — лицо, нос и т. п. восточного, монгольского и т. п. типа. В 9-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, вышедшем под редакцией Н. Ю. Шведовой (М., 1972), при слове *тип* впервые фиксируется употребление формы его род. падежа с формой род. падежа другого существительного без предлога, причем отмечается, что в этом случае словоформе присуще значение предлога: «6. Род. пад. *типа* употр. в знач. предлога: вроде, сходно с кем-чем-н. Устройство типа центрифуги» (с. 733). Как видим, пример дается из профессиональной речи, а словоформа *типа* приводится при исходном *тип*, хотя и как имеющая отдельное значение, т. е. признается ее производный, несамостоятельный характер; предложное же значение считается присутствующим не самому *типа*, а лишь особому употреблению формы род. пад. от *тип*. Что касается других словарей, то эта форма в них вообще не фиксируется; нет ее и в словаре [1].

А между тем она давно уже бытует в письменно-литературной речи для выражения значения квалификации предмета. При этом она выступает в составе конструкций трех видов — трехчленной с прилагательным-квалификатором, двучленной с последующим род. пад. без предлога другого существительного и двучленной с последующим им. пад. наименования-квалификатора, обычно имени собственного.

Употребление *типа* в составе трехчленной конструкции с атрибутом является традиционным достоянием русской литературы. Сейчас эта конструкция также широко используется. Ср., например, в художественной литературе: «... и быстрый гарсон в голубом фрачке с погончиками принес нам по маленькому пузырьку какой-то слабо газированной воды *колодезного типа* и высокие, отмытые до радужного сияния стаканы с кубиками льда и кружком лимона» (А. Крон, Бессонница); «На нас были только штаны из мешковины и бязевые нижние рубахи *больничного типа*, почему-то с черным клеймом автобазы» (В. Катаев, Алмазный мой венец); «Вот он стоит перед дачей, на картофельном поле, в сапогах, в брюках, подпоясанный широким кожаным поясом *офицерского типа*, в рубашке с засученными рукавами...» (там же). Не обходится и без казусов, вызванных, в частности, смещением семантических отношений атрибута и *типа* в деловой речи, ср.: «Прием детей *сельского типа* с 8 ч. до 11 ч.» (объявление, Крокодил, 1979, № 19).

Обе двучленные конструкции являются генетическим достоянием специальной речи. В современной письменно-литературной речи они, кроме специальных (научных и технических) текстов, широко распространены не только в деловой, но и публицистической, особенно газетной, речи. Ср.: «На сырых лугах Украины, Белоруссии, Прибалтики в сентябре цветет безвременник осенний, клубнелуковичное многолетнее растение. Цветы лилово-розовые *типа лилий*» (Неделя, 1978, № 35). При этом круг используемой в конструкции лексики шире собственно специальной (как указывают словари): «Проще всего свести дело к бескультурной болтовне персонажей типа заведующего клубом из фильма „Карнавальная ночь“ — но такого рода ископаемые отходят в прошлое» (ЛГ, 1980, 13 авг.). Здесь наблюдается и прямой отход от профессионально-производственного контекстного окружения при употреблении *типа*. Ср.: «В кастрюлях *типа котелка с выпуклым дном* готовить на электроплите практически нельзя» (Неделя, 1978, № 40); «Но я ушел оттуда и наведалься в другую лавчонку, неподалеку: это было заведение *типа комиссионного магазина*» (Знание — сила, 1978, № 10); «В своей статье в журнале „Нейчуропа“ Розендаль указывает, что на кормушках *типа столика* корм быстро портится и загрязняется» (Наука и жизнь, 1981, № 4).

Двучленная конструкция с именем собственным-квалификатором в форме им. падежа, придя в современную прессу из профессиональной речи, тоже получила здесь широкое распространение. Ср.: «Она достигается доставкой нового оборудования на орбиту с помощью грузовых кораблей *типа „Прогресс“*» (Комс. пр., 1978, 19 июля); «... людям пожилого возраста рекомендуются различные комплексы поливитаминов *типа „Ундевит“*» (Моск. пр., 1979, 25 янв.); «На колесах были покрышки *типа „500“*, изготовленные одной из трех крупнейших компаний отрасли — «Файерстон тир энд раббер компани»» (Неделя, 1978, № 41); «Запачканную плиту легко отчистить пастой *типа „Санита“*...» (Наука и жизнь, 1979, № 8); «В пятое купе вагона № 11 вошел высокий солидный мужчина с чемоданчиком *типа „дипломат“* и дорожной сумкой» (Крокодил, 1981, № 20). В дикторской речи: «... который позволит швартоваться не только паромам „*типа Сахалин*“, но и океанским судам» (радио, посл. изв.); «Больше всего в нашей стране электровозов типа „*Шкода Ж-2*“» (то же). Из записки зрителя: «Смогут ли фильмы *типа „Гараж“* повлиять в лучшую сторону...» (Нева, 1980, 9).

В художественную литературу обе двучленные конструкции почти не попадают. У Т. А. Кузьминской встретилось: «... большинство людей *типа Берга*» (Моя жизнь дома и в Ясной Поляне). У В. Г. Короленко: «... к Денисюку пришел высокий старик с благообразным лицом *типа крупного чиновника*» (История моего современника). У М. А. Булгакова: «Рядом с письмом самоубийцы тетрадь *типа общих тетрадей* в черной клеенке» (Морфий). А в современной художественной прозе почти обязательна стилистическая маркированность: «В доме стоял запах папирос, но не тех „звездиков“, что курила Маргарита Антоновна, а настоящих, толстых, *типа „Казбек“*» (И. Грекова, Хозяйка гостиницы).

Изредка обе двучленные конструкции контаминируются, в результате чего имя-квалификатор выступает в форме род. падежа: «Здесь и документальные биографические повести, и научно-популярные очерки, и своеобразные композиции *типа „Живых страниц“*» (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский в воспоминаниях современников, дневниках, письмах, автобиографических произведениях) и т. д.» (ЛГ, 1980, 23 июля); «Медицинский еженедельник. *Типа „Недели“*» (Ю. Крелин, На что жалуетесь, доктор? — в речи персонажа); «Империалистические диктатуры *типа Сомосы* в Никарагуа» (радио, посл. изв.).

Несоответствие исходной специально-профессиональной стилистической установки конструкции и ее более широкого использования в речи с расширением лексического наполнения широко подмечается прессой и применяется с целью создания комического эффекта. Вот примеры с конструкцией «*типа* + им. квалификатор»: «Нужно немедленно и полностью запретить продажу вредных крепленых вин *типа „бормутуха“*» (ЛГ, 1979,

28 нояб.); «Знатные гости схватили гусиные перья, засекали время и быстро настроили забавные балладки. *Типа „Рано утром вечерком поздно на рассвете баба ехала верхом, развалилась в карете“*. Конечно, с аристократическим антуражем» (Крокодил, 1981, № 11); «Валторны, у вас опять главная тема блестит, опять получается фирменный поезд *типа „Янтарь“* с салфетками на столиках, пачками сливочного печенья, с действующими кондиционерами в мягких вагонах» (ЛГ, 1979, 12 сент.); «Эти неизвестные мне шедевры мастеров творения кистью она видит наяву и грозитя, что не даст мне покоя в жизни, пока не увидит их в личной собственности. Также она требует четыре кресла с ручками *типа „львиная морда“* для прихожей и сапоги *типа „гейша“* для улицы» (ЛГ, 1979, 9 мая). Авторская протия выражается и употреблением бытовой лексики, и соседством конструкции с сугубо книжно-письменными (в последнем примере — *мастеров творения кистью* с излишним и бессмысленным отглагольным существительным на *-ние*).

Особенно активизируется этот прием в «Крокодиле»: «Мне рисовались светлые корпуса овчарен, серебристые сенажные башни, цех стрижки в виде салона-парикмахерской *типа „Чародейки“*» (1979, № 32); «И это предполагает, что в самом уже „Туркменвино“ все службы активной только что прилетевших скворцов и по всей стране, выроставшись по локоть из рукавов, тянутся к продавцам руки гурманов: — Хоть бутылочку „Чемен Исахра“ *типа мадера!*» (1978, № 29); «Отказ от освещения нисколько меня не удивил. Но почему было ликвидировано столь необходимое в наше время удобство *типа мусоропровода?*» (1979, № 6). Вот пример из фильма «Старые друзья»: «Тебе нужна фамилия поэкзотичнее, *типа Казбекова*» (это обращение к женщине, форма им. падежа).

На обыгрывании всех трех узаконенных письменно-литературной нормой конструкций с *типа* в «Крокодиле» строится целый рассказ (Ст. Родионов, Воды типа..., 1981, № 2), где высмеивается несоответствие разговорного контекстного окружения этим конструкциям, в результате чего сами они приобретают псевдоспециальный характер. Приводит рассказ целиком здесь невозможно, отметим только, что в нем последовательно используются следующие словосочетания: *воды какого типа?* (это реплика диалога — и ответ: *общеукрепляющего*; диалог придает особую остроту высмеиванию псевдонаучности конструкции), *вода типа «Боржоми», вода типа «Нарзан», водичка типа «Нафтуси», вода типа «Полюстрово», водичка типа «Ессентуки» № 1, водичка типа «Ессентуки» № 17, водичку этого типа, вода какого типа?, вода типа «Кизилевского», вода какого?» (и ответ: *типа портвейна розового*), *какого?* (и ответ: *типа четырех звездочек*), *вода какого типа?* (и ответ: *типа шипучки... ноль один*).*

II. Проникая в устно-разговорную речь, *типа*, опираясь на традиционные, узаконенные письменной речью образцы-конструкции (здесь наподобие письменной речи используются такие обороты, как *больница типа санатория, овощерезка типа мясорубки* и под., что и послужило поводом для языковых карикатур фельетонистов), в то же время решительно отрывается от *тип*, становится самостоятельным и очень емким словом и быстро наращивает свой потенциал, расширяя и сферу своих значений, и свою сочетаемость. Это с неизбежностью ведет к изменению его грамматической природы. В будущем словаре русской разговорной речи оно, несомненно, должно приводиться как отдельная лексема.

Ниже приводятся записи современной разговорно-бытовой и общественно-адресованной устной литературной речи, выполненные автором в Москве в 1977—1982 гг.² Они могут характеризовать современную сферу бытования *типа* с точки зрения его сочетаемости, лексических значений и грамматических функций.

² Неэпизмичную помощь в коллекционировании материала оказала автору Е. Ф. Шапиро. Автор сердечно благодарен покойному писателю С. Л. Львову, который специально для этой статьи сделал ряд записей и передал их автору для использования. Н. Ю. Шведова прочла статью в рукописи и высказала автору свои соображения, за что автор искренне ей признателен.

Рассмотрим сначала, как ведет себя в устно-литературной речи *типа* в пределах узаконенных письменно-литературной нормой конструкций. В составе конструкций «*типа* + род. пад. без предлога» форма род. падежа, а также и независимая форма имени обычно бывает представлена не специальным (производственно-профессиональным) словом, хотя это и возможно, но словом, относящимся к конкретно-бытовой лексике. В результате, как и в иронической прозе, происходит столкновение стилистического плана — книжный характер конструкции еще полностью не утратил своей маркированности, и с точки зрения хорошего литературного вкуса такие построения воспринимаются в лучшем случае как небрежные, а в худшем — как просторечные, однако большинство говорящих не ощущает стилистического слома, иначе нельзя объяснить их чрезвычайно широкого распространения. Ср.: *Кобфа типа распашонки из тонкой шерсти; Какая-то музыка типа духового оркестра; привязанность типа влюбленности, Эта иглока типа слона; Он один такой попался, типа наших бичей; Он очень непосредственный, добродушный, что-то типа маленького принца в нем есть; у них ширский диапазон: типа трех действительных (о лекарственных травах); Гостесая комната даже типа апартаментов.* С именем собственным в форме род. падежа: *хочу работать в цирке артистом типа Волфа Мессинга* (из письма); *Все остальное — это перепечатки американских комиков типа Микки Мауса; Это уважаемый ученый типа Ермолаева и так далее; Самые лучшие ученые, типа Келдыша, типа Капицы; Попадают молодые кафедры ну типа там Донецка вот таких городов.* Необычность последнего примера создается за счет наименования, по принципу своему близкого к метонимии. В шутливой речи: *Разные девочки и мальчика типа Феди в такой поход не ходят; Там семейство типа Ивановых работало.* При имени собственном часто происходит опущение существительного в форме род. падежа после *типа*: *Я был на выставке. Это типа Глазунова; Она мне дала книги читать типа Катяева «Время — вперед».* Ср. также: *Мы записываем народные анекдоты типа о шуте Балакиреве.* Эллиптическое опущение возможно и при имени нарицательном: — *Ты можешь пойти в любую библиотеку. — Ага, в любую, типа твоего папы.* Из коллективно адресованной речи: *Это сложная форма, которую мы должны с вами увидеть, типа восьмерок, например* (на семинаре); *Он должен всегда оказывать определенную помощь типа консультации* (на семинаре); *Пусть кто-нибудь нам расскажет о примете хорошо известной, типа черной кошки или пустого ведра* (ведущий телепередачи «Веселые ребята»); *Самый трудный пересказ — это краткий, это типа аннотации в книге* (на родит. собрании).

Во всех этих случаях *типа* выступает в значении приблизительного уподобления и вполне синонимично *вроде*. Другое его значение, свойственное специальной речи, — отношение рода и вида — здесь не встречается. Вот пример, ярко иллюстрирующий значение приблизительного уподобления: — *Это салфетка? — Это т́ипа салфетки.* Ударение, сделанное говорящим на *типа*, подчеркивает это значение. При наличии прилагательного активизируется значение квалификации предмета по его признаку. Употребление в конструкции лексических пар, которые сами по себе могут представлять родо-видовые отношения, могло бы способствовать возобладанию в конструкции именно этого значения, однако сами условия протекания разговорной речи и ее характер решают вопрос в пользу единого значения — приблизительного уподобления, которому уступают место значения видовой и признаковой квалификации предмета. Ср.: *Тут было много мясных всяких консервов типа бефа.* В шутливой речи: *Здесь всядят гигантские мыши типа динозавров.* Встречаются случаи, когда говорящий проясняет значение конструкции последующим пояснением: *купила горшок типа чугуна, в форме чугуна.*

Особенно охотно обращаются к обороту «*типа* + род.» в тех случаях,

когда надо назвать нечто, для чего не существует или чему трудно найти определенное название, ср.: *с ним какие-то странные вещи т и п а п р и п а д к о в*. Управляющее слово, носящее в подобного типа примерах прономинализованный характер, довольно свободно элиминируется в речи как лишнее информативной нагрузки, а иногда добавляется в конце: *Она болела ну т и п а п а р а л и ч а болезнь у нее была*. Примеры с отсутствием управляющего существительного: — *Что брат? — Т и п а к е д о в*; *Нужно будет мне потом где-то, в одном местечке, т и п а с н о с к и дать, кто откуда*; — *Какие историки? — Т и п а в а с*; — *Будда — это кто? — Это т и п а б о г а*. Характерно, что глагол-сказуемое при отсутствии управляющего существительного имеет форму ср. рода (в прошедшем времени), обладающую максимальной неопределенностью при идентификации рода субъекта и сближающую этим своим свойством конструкцию с безличной, хотя это сближение лишь смысловое, поскольку двусоставность конструкции налицо: *Это только что покосили. Вчера здесь было т и п а б у е р а к а*.

Отсутствие управляющего существительного в данной конструкции — весьма распространенное явление во всех разновидностях современной устной литературной речи — и в обиходно-бытовой, и в речи коллективной адресации. Это отход от нормированного облика оборота, расширение, а может быть, и нарушение, литературной нормы. Ср.: *У них четыре преподавателя защитились и собрались у нас т и п а с к л а д ч и н ы*; *У меня было что-то такое не очень понятное горло болело т и п а ф а р и н г и т а*; — *Нет тут никакой тряпки? — А вот перед вами т и п а щ е н о ч к и*; — *Это провалились ну я не знаю. — Т и п а л и м о н о в как нам за столом давали?; Они нам там читали т и п а л е к ц и и*; — *А эти конфеты не очень вкусные, потому что внутри не шоколад, а т и п а к р е м а*; — *Ты ведешь весь труд? — Весь труд и там еще есть нагрузки, которые оплачиваются. — Продленка? — Ну, там, понимаешь, т и п а з а у ч е с т в а в продленной группе; Есть смысл провести цикл лекций и сделать т и п а с е м и н а р с к и х з а н я т и й* (на ученом совете); *Ей предлагали на почту и еще ей предлагали т и п а у б о р ц и ц ы в поликлинику*; — *У меня что-то с ногой случилось. — А что с ногой? — Ну, т и п а с е д а л и щ н о г о н е р в а*.

Значение прелингвистичности номинации в этих примерах можно было бы определить как «нечто вроде» или «что-то вроде» (во втором случае степень приблизительности сильнее). Это или другое неопределенное местоимение могут эксплицитно присутствовать в конструкции, занимая позицию неназванного существительного. Ср.: — *Если что-нибудь прольется, будут пятна. — А что может пролиться? — Что-нибудь т и п а о д е к о л о н а*; *И когда я с него спрашиваю что-нибудь т и п а д о к л а д а, он говорит, что ему некогда писать, у него тренировки; его рубашка и еще что-то т и п а б е л ь я висело на стуле; у меня еще что-то с ногой т и п а р а д и к у л и т а*; *какая-то там т и п а п р и е м н о й и вот она сидит* (в этом случае обращает на себя внимание согласование неопределенного местоимения с управляемым существительным). Вместо управляющего существительного может быть представлено и указательное местоимение: *она может еще что-нибудь придумать т и п а т о г о к т о не был* (т. е. спрашивать на экзамене тех, кто не был на консультации). Из случаев с местоимениями, которые синонимичны случаям с отсутствием управляющего существительного, нерегламентированными нормой можно считать лишь те, где употреблено неопределенное местоимение-прилагательное. Когда такие обороты попадают в регламентированную речь, существительное восстанавливается, ср.: *какой-то несчастный т и п а н а ш е г о Д и м о ч к и* (телефильм «Вперед — цель»).

Значение «вроде» приближается к «около», если после *типа* следует форма числительного, причем не обязательно в род. падеже: *ошибок было огромное количество т и п а ш е с т ь с о т ч т о - т о о ш и б о к там нашлось* (падежной форме числительного способствует употребление его в разговорной конструкции наложения); *У меня есть такая йога, там что-то т и п а т р и с т а у п р а ж н е н и й описано; У нее зарплата*

т и п а с т о д в а д ц а т ь р у б л е й; Н а с в с я д е р е в н я з н а л а: т и п а т а ж е с о б р а л о с ь ч е л о в е к, н а в е р н о е, д в а д ц а т ь; Х о р о ш о б ы к у п и т ь к о ф е н а в с е х, т о б ы т а м т и п а д в а - т р и р а з а п и т ь (с о т т е п к о м у с т у п и т е л ь н о г о з н а ч е н и я); В с е э т о п ь е т с я в о п р е д е л е н н ы х д о з а х, т и п а т а м т р и р а з а в д е н ь.

Близок к этому случай не с числительными, но с существительными перечислительной семантики, причем тоже не в форме род. падежа: — *А когда идет паролод? — Может в какие-то дни т и п а в п о н е д е л ь н и к и в с р е д у.*

Есть и еще одна интересная разновидность рассматриваемой конструкции. Внешняя ее форма здесь полностью соблюдена, однако семантические отношения членов смещены — форма род. падежа вмещает в себя и собственное значение, и значение предшествующего существительного, ср.: *Раздавался свист т и п а р е а к т и в н о г о с а м о л е т а; п е н и е т и п а с о л о в ь я; б р е з е н т т и п а п а л а т к и.* Это происходит из-за обычного для разговорной речи нежелания повторять одно и то же слово дважды, если такой повтор функционально не нагружен. Значение оборота можно определить так: «как у». Любопытно, что и в этом случае, как и в случае с неопределенными местоимениями, само это *как у* может эксплицитоваться в конструкции, ср.: *Это приспособление т и п а К у л и б и н а к а к у н а р о д н ы х у м е л ь ц е в.*

Следующий шаг развития значения конструкции — замещение позиции род. падежа одной атрибутивной формой без субстантива, ср.: *Сейчас по Москве ходит инфекция т и п а м о е й; э т и с а п о г и т и п а м о и х; У н е е м н о г о т а к и х ш т у ч е к т и п а м о и х; О н с к а з а л: я х о ч у к р а с и в е н ь к у ю с у м о ч к у. И п о к а з а л т и п а к а к о й. Т и п а м о е й в ц в е т о ч е к; У м е н я т а к и е к о т л е т ы т и п а к а п у с т н ы х; м я с о т и п а а в с т р и й с к о г о; Ч т о - т о е щ е е с т ь у н и х т и п а т е а т р а л ь н о г о; — В и д и ш ь, к а к и е р у к и? — К а к и е? — Т и п а ц ы п о ч н ы х; Т а м т а к и е п а л о ч к и т и п а ж е л е з н ы х я т е б е г о в о р и л а; — М а м, у т е б я н е т б а н о ч к и т и п а т а к о й? (п о к а з ы в а е т). И е щ е з н а е ш ь т и п а к а к о й? — Т и п а к а к о й? — Т и п а к р у г л е н ь к о й м а л е н ь к о й; а в о о б щ е м е т а л л и ч е с к и е п о д к а с с е т н и к и — э т о, к о н е ч н о, х о р о ш о, н о н о л ь к о к о г д а о н и н е н а т а к и х ф р и к ц и о н н ы х, н а д о к о г д а о н и н а ж е с т к и х ф р и к ц и о н н ы х, в о т, а к о г д а о н и н а э т и х н а к а к и х - н и б у д ь т и п а ф е т р о в ы х и л и ч т о - н и б у д ь, в э т о м р о д е — э т о б а р а з л о, о н и г р е ю т с я с т р а ш н о ³; Т а к о й в о т т о в а р и щ т и п а э т о г о с о б и р а е т и х (т е л е ж к и н а в о к з а л е). И з о ф и ц и а л ь н о й р е ч и: М а н е в р ы п р о в о д и л и с ь н а м е с т н о с т и т и п а б л и ж н е в о с т о ч н о й (т е л е п р о г р а м м а «В р е м я»); н у у ж н е с о в с е м д и к а р и т а м б ы л и т и п а а ф р и к а н с к и х (н а л е к ц и я); к а к о й - н и б у д ь б а н а л ь н ы й п р и м е р т и п а в с е м н а м и з в е с т н о г о. И з п р е с с ы: «Н а ш и п о д с ч е т ы п о к а з ы в а ю т: о ч е р е д е й н е б у д е т, е с л и о р г а н и з о в а т ь п о о д н о й к о н с у л ь т а ц и и т и п а н а ш е й н а т р и - ч е т ы р е р а й о н а» (ЛГ, 1980, 23 янв.); «И р я д о м: „з а п о н к и т и п а и н д и й с к и х, ц е н а 11 р у б. 24 к о п.“ — в з я т к а о т о д н о г о д о б р о х о т а» (ЛГ, 1980, 12 н о я б., з д е с ь э т о ц и т а т а и з з а п и с и ч а с т н о г о л и ц а). Н а д о с к а з а т ь, ч т о в п р и в е д е н н у ю о ч е н ь п р о д у к т и в н у ю с х е м у у к л а д ы в а ю т с я н е в с е с л у ч а я и с п о л ь з о в а н и я и з о л и р о в а н н о г о а т р и б у т и в а. Е с т ь и т а к и е, г д е п р е д ш е с т в у ю щ и й а т р и б у т и в у с у б с т а н т и в в р е ч и н е п о л у ч а е т в ы р а ж е н и я, с р.: У м е н я ч т о - т о с н о г о й. Т и п а с е д а л и ц н о г о; У в а с о н т и п а з а к у с о ч н о г о, а у м е н я п р о с т о т а к, и л и п р е д с т а в л е н м е с т о и м е н и е м, с р.: Ч т о - т о е щ е е с т ь у н и х т и п а т е а т р а л ь н о г о. В о т п р и м е р, г д е п р о с т а я п е р е с т а н о в к а т и п а и а т р и б у т а п о п р и м е р у р а с s м а т р и в а е м о й з д е с ь п р о д у к т и в н о й с х e м ы у п о д о б и л а е й с о в с e м д р у г у ю, у з а к о н e н н у ю н о р м о й т р e x ч л e n н у ю a т р и б у т и в н у ю к o н c т р у к ц и ю, с р.: В o т т a k o e п л a т ь e з a k a z a л a п o л n a я д a m a т и п а м o e г o (т. е. вроде меня, следует уточняющий жест). П р и м е р с п е р e c т р o й к o й р e ч и н а х o д у: У м e н я e c т ь м и ш к a o л и м п и й с к и й т и п а т в o e й к a k o б e з ь я н a т a k o й. П р и м e р с и з м e н e н и e м п a д e ж н o й ф o p м ы a т р и б у т и в a п o д в л и я н и e м п a д e ж н o й ф o p м ы c у б c t a n t и в a: в o з ь м и т e k a k o y - н и б у д ь т p ь a y k y т и п а л ь н я н y ю.*

³ Пример взят из статьи Н. Н. Розанова [5].

Пример с изменением формы числа: *Можно сказать, что это новелла. Типа так и х, какие печатаются в «Неделе».* Соотносительность атрибутива в рассматриваемой конструкции с местоименным коррелятом *такой* или *какой* усугубляет компаративный характер ее значения. Отметим еще возможность замещения позиции управляемого родительного указательным местоимением: *Я видела массу сфотографированных сочинений т и п а т о г о по роману Горького «Мать».* Из прессы: «Не потому ли, несмотря на все призывы и некоторые практические меры т и п а т е х, о которых шла речь выше, производство на собственном дворе колхозника продолжает сокращаться?» (ЛГ, 1980, 17 дек). Единичный пример замещения позиции родительного придаточным: *Он задал вопрос вот т и п а ч т о...*

Близость нормативной трехчленной конструкции с атрибутивом и рассмотренной конструкции с атрибутивом в позиции постпозитивного родительного иногда приводит к их смешению в речи, в том числе и телевизионной, где наряду с узаконенным *Выберите мне, пожалуйста, полочку эт о г о т и п а* звучит и *На двенадцатую ночь приходил праздник, веселье, карнавал, т и п а эт о г о.* Конечно, это происходит и на лекциях: *рассуждения т и п а т а к о г о что сейчас наша методика...; в случаях соотношения т и п а вот т а к о г о как возждь...*

Мы подробно осветили в втором разделе этой статьи возможные модификации нормативной конструкции «субстантив + *типа* + зависимая форма род. падежа» в живой устной речи. Не все они нормативны, но все восходят к нормативной письменно-литературной конструкции, хотя порой отделились от нее чрезвычайно и изменились почти до неузнаваемости. Это, так сказать, пример вrastания канцеляризма в живую речь. Примеры показывают, что *типа* получает более широкое и менее конкретное значение, чем *вроде*, а это позволяет ему различным образом (с большей или меньшей степенью выраженности значения приблизительности уподобления) конкретизироваться в контексте.

Таким образом, форма *типа* повторила историю развития отыменных предлогов, выражающих компаративные отношения, грамматикализуя в определенных условиях свое исходное лексическое значение. Отрыв *типа* от исходной формы и лексическая автономность его в приведенных случаях заходит так далеко, что для языкового сознания облик слова в виде *типа* теряется (нам пришлось слышать пояснение говорящего: «это надо писать *типо*»). Крайняя степень этого процесса — статус частицы, к которому стремится *типа*. Правда, этот процесс происходит преимущественно в устных сферах литературного языка и почти минует художественную литературу, попадая лишь в те сферы письменно-литературной речи, где сильно ироническое, подражательное (фельетонное) начало. Усиленная конкуренция *типа* с *вроде* в устных сферах литературного общения, сопровождающаяся охарактеризованными процессами его экспансии, ведет к тому, что *вроде*, просуществовав всего около ста лет и не укоренившись прочно и окончательно в устном употреблении, постепенно уходит из него.

III. Еще более резкое преобразование в сфере устного литературного общения претерпела конструкция с формой именительного-квалификатора (имени собственного) после *типа*. В качестве прямого заимствования из книжной речи она может входить в устную и воспринимается в ней как канцеляризм (ср.: *Это вафли т и п а «Л е с н а я б ы л ь»;* — *Что за фильм «Спасите Конкорд»? — Т и п а «Э к и п а ж», только французский* — разговор в ЦДЛ; *Ну что-то вроде т и п а скажем там «Д е р е в н я» Пушкина* или в лекторской речи при вводе примера: *например, в каком-нибудь случае т и п а «п л е т к а»;* — *Что это за слово? — Это там т и п а «з а б о л е т ь»* — здесь возможен и инфинитив, и любая другая примыкающая форма), однако более интересны случаи изменения значения конструкции при соблюдении ее каркаса, в котором тем не менее имя собственное имеет тенденцию заменяться нарицательным. Собственно говоря, и с именем собственным может наблюдаться выражение не квалификационного, а уподобительного (сравнительного) значения,

ср.: *входит тетенька с маленькой собачкой т и п а Ф и н и к* (кличка собаки); *Рынки были т и п а К и е в и Д е р и б а с* огромные. С именем же нарицательным уподобительное значение возникает в конструкции как типовое, ср.: *Кто нашел тетрадь (т и п а д н е в н и к) в кожаной обложке, просьба вернуть в к. 12* (объявл.); *Она, как сказать, порядочная дрянь. Или как прежде говорили — женщина т и п а в а м п* (разговор в ЦДЛ); *Это шапка т и п а л ю к с*; *Она мне достала какое-то средство т и п а к а к о й - т о п о р о ш о к*; *Мой муж это вообще, он привез чего-то там т и п а д в е р у б а ш е ч к и*; *У меня много таких вещей т и п с т у ф л и у меня...* В общественно адресованной речи: *часть из них могут направляться по строго направленным каналам, ну вот т и п а п р о в о д н и к и л и к а б е л ь н ы е л и н и и с в я з и* (доклад на симпозиуме); *Они используют старые народные инструменты т и п а к о с т и* (на семинаре).

Бывает и введение посредством *типа* высказывания-цитаты, ср. в устной речи: — *Если вы думаете, что я вам буду рассказывать анекдот т и п а «я в а м п и с а л», то вы ошибаетесь; в художественной мемуарной прозе: «Начитались газетной болтовни типа: нужна или не нужна современному крестьянину русская печь»* (В. Золотухин, Дребезги).

Как видно из примеров, степень приблизительности уподобления может быть различной. Значение «вроде» здесь прослеживается, но не вполне отчетливо из-за ослабления грамматических свойств предлога. Переходя из конструкции с именем-квалификатором (в кавычках) в конструкцию с именем нарицательным, *типа* теряет способность к управлению и сопровождается формой им. падежа. Грамматическая характеристика его меняется, это не наречие (хотя оно может приближаться к *как*), не предлог (хотя значение «вроде» не исчезает вовсе) и не частица (ее функции здесь не прослеживаются), она очень диффузна и тем самым емка. Эта грамматическая неопределенность делает словечко *типа* удобным для использования в качестве модного, но не слишком строго закрепленного в определенных функциях, значениях, позициях и окружениях средства.

В чутко реагирующем на живые языковые процессы фельетонном жанре нам встретился один случай, когда на подобной конструкции с *типа* (разумеется, в характерологической функции) держится речевая окраска: *«Может, он думал, на ярмарке работают аттракционы типа карусель, гигантские шаги, комната смеха, измерение силы»* (Крокодил, 1979, № 5). Это — пока предел разговорности при отражении *типа* газетной речью, ограниченной необходимой дозой нормативности печатного слова.

Возможности сочетания *типа* с формой им. падежа существительного очень способствует тенденция к экспансии им. падежа в область косвенных, широко и многопланово представленная в современной устно-разговорной литературной речи. Именно эта тенденция рождает к жизни такие случаи, как: *жили т и п а п а л а т к а*; *и там на каждом кружочке лежал кусочек колбасы и приправы ну т и п а п е р е ц т а м о г у р е ц*; *и потом там на две недели после операции отправляют ...ну ...т и п а с а н а т о р и й*. (Повторяет:) *На две недели после операции отправляют т и п а с а н а т о р и й* (без паузы). Последний пример показывает, что момент обдумывания, поиска подходящего наименования не отражается на самой конструкции. Ср. еще: *Младший у них ничего — в мать. А старший не то что совсем в отца, а т и п а д е б и л*; *Он не роз букетик ей дарит, а т и п а в е н и к*; *сидят на лекции всякие т и п а ф а к у л ь т е т п о в ы ш е н и я к в а л и ф и к а ц и и*; — *А вы тут почему? — Т и п а н а д к о с т н и ц а* (в поликлинике); *Ну и меня двинул какой-то т и п а «Х л е б»* (о машине); — *А что за вечер? — Т и п а п о с и д е л к и*. (Вначале) *кино. Потом ужин! И танцы*. В телеречи («Контрольная для взрослых»): *Я помню у меня была такая т и п а п а л ь м а н е п а л ь м а*. Вот пример переходного типа, где при перечислении сильноуправляемых объектов (а в этом положении в устно-разговорной речи часто появляется форма им. падежа) употреблены рядом формы род. и им. падежей (хотя последняя может быть истолкована тоже как форма вин. падежа, если не

Считать ее относящейся к конструкции с *типа*): и еще что-нибудь может быть подкупим *типа хлеба, молоко*.

Экспансия им. падежа при *типа* в разговорной речи простирается столь далеко, что захватывает даже формы имен собственных — фамилий, имен, названий стран, городов. Ср.: *Это надо в командировку ехать типа Клин, Калинин...*; — *Какой-то из Австралии?* — *Из Австралии типа Данила Тихонов* (вспоминают фамилию танцовщика); *Я часто улыбаюсь типа Крикунам* (фамилия).

Особенно заметна утрата связи *типа* с исходным *тип* при именительном, его автономность, самостоятельность, хотя и малая определенность в лексическом и грамматическом отношении, когда оно не только проникает в состав подлежащего, как это сейчас было показано, но и вклинивается между согласованным определением и подлежащим, ср.: *и вообще там все-таки какой-то типа буюк торчит*. Как видим, здесь *типа* достигает степени почти полной плеонастичности.

Исчезновение управляющего существительного перед *типа* возможно в обеих конструкциях — и с родительным после *типа* (примеры приводились выше), и с именительным после него. Особенно заметна автономность *типа* в составе подлежащего, что, как мы видели, широко представлено с именительным после *типа*, но возможно и с родительным, ср.: *Они в то время не имели никакой цены. Это была типа макулатуры* (обрацает на себя внимание согласование глагольной формы с существительным, а не с местоимением); *У него было типа инсульта, а потом случилось типа инфаркта*; *У нее типа гриппа*. Наличие определенного лексико-синтаксического контекста в однотипных предложениях говорит об устойчивости таких построений, даже их клишированности. Ср. еще: *Приходишь в хозяйственный магазин, там типа двух цветов, ну два цвета есть* (о красителе); *У меня есть какой-то мешок из-под масла типа*.

Видимо, на этой же основе возникают случаи, когда *типа* вклинивается перед именной частью сказуемого, и рождаются сочетания *типа* с именительным падежом не только существительного, но и прилагательного, ср.: — *Яблоки снаружи хорошие, а внутри...* — *Что?* — *А внутри типа гнилые*.

Исчезновение управляющего существительного ведет к разрушению обеих конструкций, что, в свою очередь, усиливает самостоятельность изолированного *типа* в функции частицы с диффузным значением, которая может сочетаться практически с любым следующим за ней словом. Таким образом, разрушается не только первая часть конструкции (наличие управляющего существительного), но и вторая (наличие формы род. или им. падежа). Выход *типа* из конструкции завершает процесс его полного отрыва от исходного *тип*.

типа + тв. предикативный: *Он что-то был типа там бухгалтером*.

типа + тв. адвербиальный: — *Что такое «ладом»? — Я считаю, что типа там «естественным образом»*.

типа + тв. предложный: *Там какие-то сидят типа за свадебным столом*; *Он говорит пойду с Таней. Я думала это типа с друзьями детьми*; *Ну, я пойду, может быть, мне дадут какую-нибудь комнату типа за выездом* (ср. атрибутивный характер предложно-падежного сочетания: *они закусьвают типа перед обедом*).

типа + предложный: *Ее всю перекосило типа на нервной почве*; *Где-то типа во дворе*; *Поселили нас плохо, типа в коровниках жили*; *нас сформировали типа в группы, посадили типа в теплушки*. Вышли мы типа на маленькой станции и (ср. соседство *типа* с формами разных падежей); *Вот вас пошлют...* Интересно, сколько вы проработаете типа в Клементьеве, в колхозе; *Кто-то мне рассказывал про черного мальчика типа Алеша и Иванова*. Потом оказалось, что он типа на кармат ошке там (ср. тоже сгущение *типа* в одном примере); *Они подушками*

подрались. Но это типа в паузах (во время спортивной сессии в лагере).

типа + вин. предложный: Тогда вам надо где-нибудь так типа в понедельник зайти; В этом году это все собрались хорошо сделать, типа на постоянную основу (поставить показ кинофильмов в общежитии).

типа + род. предложный: там дети типа от родителей-алкоголиков; — Она совсем не ходит? — Немножко ходит. Типа там до туалета может пройти.

типа + дат.: Открытое письмо к своим типа одноклассникам (ср. вклинивание типа между прилагательным и существительным); Легко дать точное определение бытовому предмету, а типа искусству труднее.

Обратим в этих примерах внимание на нередкое сопровождение типа частицей там.

Интересна запись связного текста с обилием типа. Приводим ее с некоторыми сокращениями: Заказ получили! Типа для ветеранов. Рыба красная. Типа горбуша. Малосол. Вафли и чай. Нет, не индийский. Типа в нагрузку.

В некоторых из приведенных случаев управляющее слово еще сохраняется, но падеж следующего за типа слова определяется не им, а или этим управляющим словом, или (даже чаще!) глаголом. Тем самым типа полностью выключается из системы склонения — не только как словоформа, но и как управляющее слово.

И, наконец, полное завершение автономизации типа демонстрируется возможностью полного отсутствия именного окружения — в этих случаях типа сопровождается глаголом или целой глагольной фразой.

С глаголом: Лицо покрывается красными пятнами, потом они начинают типа шелушиться; Тебе надо постричься типа подрезать чуть-чуть; Тебе надо сделать со своей головой, типа па постричься! (ср. однотипность контекстов); пока его типа не обжариваете, а как бы кипит в масле; Ну, вы пока подложите что-нибудь типа умывайтесь.

С придаточным предложением: Он мне сказал, что типа он ко мне зайдет; Я ей вообще-то говорила типа того что вот я хочу погулять; Эти мешки соединены между собой ну типа как фиксируются сардельки соединяются (док. фильм «Когда исчезают барьеры»); Я не умею рисовать, ну типа там как дети начинают рисовать лицо с глаз; Они от нее балдели типа как мы вот от него; Давайте уберем со стола типа что есть не будут; Он ужасный трусиха типа если его в темной комнате оставить.

С глаголом и относящимися к нему словами: и он все свалил на несчастных женщин типа заставил давать показания следователю. Пошли мы погуляли типа пообедали в ресторане; Завтра дадим Ольге кучу поручений типа купи так-то количество хлеба; Цезарь решил ну типа так доложить отправиться, что ли; Лучше иметь резерв времени, С., знаешь, типа спустила шина; Белый эмалевый фон и типа карандашных линий несколько нарисованы.

Здесь можно вспомнить, что приглагольное употребление было свойственно и вроде, приобретавшему в этом случае союзный характер, но оно, как отмечает Е. Т. Черкасова, вскоре угасло. Приглагольное же типа признаков союза не обнаруживает.

Другие единичные возможности сочетаемости типа: Что такое малохольный? Это типа шальной; У кого есть типа чего поест?; такая называлась дорога ледяная возили типа волоком по ней.

В заключение охарактеризуем сочетаемость типа с разного рода местоименными, наречными, союзными словами, разными частицами. Это на-

блюдается очень часто. Нам уже приходилось отмечать сочетание *типа там*. Отметим некоторые другие.

Типа как (реже — *как типа*). После сочетания может следовать и существительное в им. или косвенных падежах, и сравнительный оборот, и глагольная группа. Значение оборота соответствует общелитературному «такой, как», т. е. на первый план в значении *типа* выступает сема сравнения (или уподобления на основе сравнения). *Типа* в этом сочетании не обнаруживает определенной категориальной принадлежности. Ср.: — *Ой, икатулочки! Т и п а к а к я купила, только я за пять рублей купила; Такие большие булочки т и п а к а к лепешка; Не такие, а т и п а к а к из-под обуви; Нет там ни кружавчиков, ни оборочек. А вышивка. Т и п а к а к вот там кофты были; Это пальто к а к т и п а куртка; Она безумно худющая, т и п а к а к Сереежка; У меня была белая шубка т и п а к а к у Кати; Это т и п а к а к раньше [швыры, жыры] было (на лекции); Он был т и п а к а к не то кореец, не то китаец какой-то; А еще вы знаете в какую мы игру играли? А вот т и п а к а к вы, в девятку; Он на меня посмотрел т и п а к а к «я, мол, знаю».*

Типа который (какой): *А если перед нами случай т и п а т а м к о т о р ы й я уже упоминал...; Нельзя картофельные котлеты выдавать за хорошие т и п а к о т о р ы е мы ели; Ему задают вопросы типа... к а к и е т и п а можно считать каверзными?*

Типа когда: *Это не губной звук, т. к. есть какой-нибудь случай т и п а к о г д а н у «урожай».*

Типа того (что): *Всякие подойдут и будут мне мораль т и п а т о г о ч т о читать; Она мне сказала, что ты там кричала т и п а т о г о т а м, ч т о я тебя ненавижу.*

Типа что-то: *У одной было т и п а ч т о - т о с мозгом; Сейчас они должны т а м т и п а ч т о - т о Толстой (о том, что проходят в школе).*

Типа так (типа вот так): — *Распространяют по рублю.— Как лотерейный билет.— Да, т и п а в о т т а к в о т; Что-нибудь т и п а т а к вы думаете.*

Можно заметить, что правую сочетаемость названных групп определяет второй их член. Категориальная принадлежность *типа* выражена нечетко, значение приблизительного уподобления прослеживается.

Очень продуктивно сочетание *типа* с местоименным актуализатором *такой*. Диапазон возникающих при этом конструкций весьма широк — от общелитературных построений с согласованными с *типа* местоимением при отсутствии последующего существительного (ср.: *Такая металлическая, как Инка заказывала, т а к о г о т и п а, стоит тридцать рублей; — Какие там сапоги? Вот т а к о г о т и п а?*), где значение оборота в общем синонимично отдельно употребленному местоимению, в связи с чем *типа* можно считать плеоназмом, до собственно разговорных. Они могут иметь разное строение, ср.: *Меня мама просила привезти скатерть у нас с т а р а я т а к а я т и п а б а р х а т п л о ш е в а я (плошевая может рассматриваться и как добавленный в конце высказывания атрибутив к слову *скатерть*, и как атрибутив в составе конструкции с *типа*, а такая диффузность грамматической природы частей высказывания характерна для разговорного синтаксиса); Это не мячик, а т а к о й т и п а ш а р и к а; — Какой костюмчик? — Т и п а т а к о й г о л у б е н ь к и й с помпошками; ему нужна т а к а я т и п а к р а с н е н ь к а я н а ш а (о полке). Как видим, указательное местоимение может располагаться как перед *типа*, так и после него. Ср. еще: — *У тебя нет т а к о й з а п л а т ы т и п а о т м а т р а ц а?* Как видно из примеров, правое окружение сочетания подчиняется общим законам сочетаний с *типа*.*

Конечно, отнюдь не все из приведенных наблюдений соответствуют нормам правильного литературного рече- и словоупотребления. *Типа* порой оказывается лишним в устном употреблении. Его появление в речи поддерживается не столько коммуникативными задачами сообщения, необходимостью выразить определенный смысл, сколько далеко не во всем оправ-

данной языковой модой. Культурно-речевой аспект рассматриваемого явления не прост. Экспансия нашего осколка, пополняющего ряды частиц исконно русского происхождения (а *тип* — заимствование), не может вызвать одобрения с точки зрения задач языкового строительства и управления процессом языкового развития. С другой стороны, эта экспансия обязана своим возникновением и активизацией определенной брешы в системе лексических средств служебного характера со значением уподобления, приблизительного уподобления, идентификации, квалификации через сравнение: специально закрепленного средства точной, «научной» квалификации предмета, его характеристики через родо-видовую принадлежность или сравнительное уподобление до недавнего времени в составе незначительной лексики в разговорной и устно-литературной речи не было. Эта брешь закрылась наукообразным словечком *типа*, которое обрело лексическую самостоятельность, получило обширный круг функций, изменило свою грамматическую природу и проявило способность выступать во многих и разнообразных контекстных окружениях.

И надо сказать, что его узус в этих непомерно расширившихся окружениях противоречит литературной норме. Такие уже вполне агглютинативные стыки, которые появляются у словечка *типа*, не свойственны русской грамматике, они противоречат сочетаемости частей речи в русском языке. Налицо явное расхождение узуса и нормы. Характерно, что в речи старшего поколения русской интеллигенции *типа* встречается не расширительно, а только в составе конструкций, узаконенных письменно-литературной нормой. Правда, такое употребление исконно письменных конструкций (кроме трехчленной с атрибутивным членом) в устной речи носит оттенок излишней книжности, поскольку слишком явственным остается их специальное происхождение, хотя возрастание степени их общелитературности несомненно. Если расширительное употребление *типа* в речи старшего поколения русской интеллигенции и происходит, то лишь за счет привлечения в конструкции с ним конкретной лексики, но не за счет изменения самих конструкций. Все многочисленные изменения конструкций и почти безграничное расширение функций и сочетаемости *типа* (см. III раздел этой статьи) свойственны речи среднего и молодого поколений и даже детей (которые, конечно же, не могут непосредственно заимствовать образцы употребления *типа* из специальной речи). Эти изменения сродни просторечию, т. е. выходят за пределы действия литературной нормы и являются данью языковой моде. Вот почему ни в художественной, ни в публицистической (и даже фельетонной) речи они не отражаются.

Характерно, что расширительное употребление *типа* ведет к его грамматическому и лексическому опустошению и в результате — паразитическому бытованию в речи. Возникает своеобразный парадокс, языковое противоречие — стремящееся к строгости смысла и «научности» выражение *типа* оказывается семантически весьма неопределенным, его сочетаемостные и грамматические свойства также не проясняются, а, напротив, расплываются в безграничном произволе узуса. Во многих случаях *типа* может быть изъято из конструкции легко, без ущерба для ее смысла и с пользой для синтаксиса. Это относится в особенности к тем случаям, когда в конструкции присутствуют слова семантического ряда *вроде*, синонимичные *типа*, которое таким образом, создает тавтологию. Это говорит о том, что само по себе оно не в состоянии выразить все те значения, на которые претендует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. Под ред. Котеловой Н. З. М., 1971.
2. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2, с. 10 и сл.
3. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, с. 94—96.
4. Черкасова Е. Т. Изменения в составе предлогов.— В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 254.
5. Розанова Н. В. О некоторых литонациональных особенностях разговорной речи.— В кн.: Вопросы стилистики. Вып. 12. Саратов, 1977, с. 117—118.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

АРБАТСКАЯ Е. Д., АРБАТСКИЙ Д. И.

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССАХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Традиционное деление имен прилагательных на качественные, относительные, притяжательные и др. приобрело широкое распространение как в учебной, так и в научной литературе. Некоторые аспекты этой классификации и связанная с ней терминология остаются недостаточно ясными, получают различное истолкование. Вместе с тем современные изыскания в области семасиологии, словообразования прилагательных выявили новые факты, которые не укладываются в ранее установленные узкие рамки. Накопленный в исследованиях материал требует более всестороннего анализа, дальнейшей систематизации.

Значительную группу адъективных слов современного русского языка составляют предметно-качественные прилагательные, соотносительные по своему значению с родительным падежом имен существительных: *солнечное затмение* (ср. *затмение солнца*), *земельный надел* (ср. *надел земли*), *лошадное ржанье* (ср. *ржанье лошадей*), *судейское решение* (ср. *решение судей*), *рыбная ловля* (ср. *ловля рыбы*) и др. В некоторых случаях смысл таких прилагательных почти полностью исчерпывается указанием на мотивирующее слово, например, *подвальное (помещение)* — то же, что *подвал*, *шоссейная (дорога)* — то же, что *шоссе*, *итоговые (данные)* «являющиеся итогом», *каботажное (плавание)* «являющееся каботажем» и под. Поэтому исследователи подчеркивают обычно предметный (относительный) характер лексического значения этих прилагательных, обусловленный прежде всего мотивирующим словом (или основой). Однако едва ли можно согласиться с утверждением, что такие предметные прилагательные не заключают в себе никакой содержательной добавки по сравнению с мотивирующим словом и абсолютно лишены качественного значения. Напротив, смысловое содержание предметно-качественных прилагательных обусловлено также и поясняемым словом. Ср. *гусиный крик* (субъектное значение), *гусиная охота* (объектное значение), *гусиная шея* (носитель признака), *гусиное яйцо* (производитель предмета) и др. Это означает, что прилагательные в данном случае указывают не только на предмет, но и на качества предметов, которые обозначаются поясняемыми словами, т. е. заключают в себе элемент качественного значения. Ср. *лошадные скачки*, но *лошади скачут*, *словьянская песня*, но *соловей поет* и под. Содержательная (качественная) добавка, которую заключают в себе предметно-качественные прилагательные, очень важна, она как раз и оправдывает их существование в языке. Ср. невозможность образования прилагательных с чисто предметным значением типа **лесной рост* (*лес растет*, *рост леса*), **хлебная покупка* (*покупать хлеб*, *покупка хлеба*) и под.

Качественное значение предметных прилагательных соотносительно со значением родительного определительного: *авторский коллектив* — *коллектив авторов*, *мельное производство* — *производство мебели*, *почвенный покров* — *покров почвы* и под. При этом, как отмечают исследователи, элемент качественного значения у предметных прилагательных проявляется гораздо ярче, сильнее, чем у родительного

определяющего. Ср. *писательский труд* и *труд писателя*, *родительские наставления* и *наставления родителей*, *актерское обаяние* и *обаяние актера* и под. У многих прилагательных, например, в составе сочетаний типа *рыбья пляска*, *орлиный полет*, *вражеские проделки*, *охотничьи рассказы* и под., значение качества даже превалирует над значением предметности. Во всяком случае образование предметно-качественных прилагательных обусловлено не только стилистическими, но и семантическими задачами, — необходимостью выразить некоторые оттенки качественного значения. Транспозиция в области прилагательных русского языка носит синтактико-семантический характер.

В грамматиках русского языка и в других исследованиях многие предметно-качественные прилагательные рассматриваются под рубрикой притяжательных [1, с. 299—301; 2, с. 327—328]. Между тем лексическое значение этих слов достаточно разнообразно и далеко выходит за рамки притяжательности. Здесь можно выделить, по крайней мере, пять основных семантических разновидностей. 1) Действующий агент (лицо, животное) как характерный признак операции, действия: *птичье щебетанье* (т. е. щебетанье птиц), *мышинья возня* (т. е. возня мышей), *сусличий свист* (т. е. свист суслика), *редакторская правка*, *студенческая демонстрация*, *советско-американский диалог*, *партийное руководство* и др. Ср. у В. Маяковского: «Я вам переведу звериный рык, если вы не знаете языка зверячьего» (150000000). 2) Производитель, создатель какого-либо предмета, а также творец или автор какого-либо труда как характерный признак созданного или произведенного предмета: *пчелиный мед* (т. е. мед, выработанный, собранный пчелами), *папино письмо* (т. е. письмо, написанное папой), *Петров сын* (т. е. сын, рожденный Петром), *Далев словарь* (т. е. словарь, созданный В. И. Далем), *Третьяковская галерея*, *блоковские стихи*, *гоголевские «Мертвые души»*, *тургеневские «Записки охотника»*, *гегелевская абсолютная идея* и др. 3) Носитель признака, качества, состояния как характерная особенность этих свойств, качеств: *лисий ухватки* (т. е. ухватки, характерные для лисы), *вороний нор*, *человеческий характер* (т. е. характер, свойственный человеку), *учительское терпение*, *союзнический долг*, *детские шалости*, *юношеская непосредственность*, *кофейный цвет*, *яблочный вкус*, *винный запах* и др. Ср. у В. Маяковского: «Северяне нам наврали о суровости февральей» (Краснодар). К этой же группе примыкают прилагательные, обозначающие живые существа и структурные особенности их тела, выступающие в качестве характерных черт конкретных элементов единого целого: *лисий хвост* (хвост этой или любой другой лисы), *гусиная кожа* (кожа этого или всякого другого гуся), *лошадина морда*, *свиная туша*, *баранья голова*, *коровьи ноги* и др. 4) Владелец какой-либо вещи, собственности как характерный признак этой вещи, предмета: *материн дом* (т. е. дом этой или любой другой матери), *хозяинский хлеб* (т. е. хлеб этого или всякого другого хозяина), *помещичья усадьба*, *охотничья лодка*, *рыбачьи сети*, *Сашенькин наряд* и др. 5) Объект действия, забот, наблюдений как характерная черта операции: *траекторные измерения* (т. е. измерения траектории), *семейные хлопоты* (т. е. хлопоты о семье), *долларовые подачки*, *президентские выборы*, *моржовый промысел*, *любовные стихи* (т. е. стихи о любви), *военная литература*, *приключенческий роман*, *восточный вопрос* и др. Выявление разновидностей предметно-качественных прилагательных позволяет точнее раскрыть их специфическое значение.

Рекомендуемая единая формула «относящийся к такому-то предмету» отнюдь не раскрывает специфики лексического значения предметных прилагательных, ибо не содержит в себе какой-либо конкретной качественной характеристики. Реальное значение этих слов передается лишь такими определениями, которые непосредственно фиксируют перечислен-

ные выше семантические разновидности. Значение притяжательных прилагательных (владелец предмета) достаточно точно передается определениями, построенными по схеме: «принадлежащий тому или иному лицу», например, *бабушкин дом* «принадлежащий бабушке». Значение носителя признака адекватно раскрывается типовыми определениями «свойственный кому-, чему-либо», «характерный для кого-, чего-нибудь». Например, *гегемонистские (замашки)* «свойственные гегемонистам», *борцовский (характер)* «характерный для борцов» и др. Подобным же образом значение создателя, производителя предмета, автора труда может быть определено как «созданный или произведенный кем-либо». Например, *змеиный (яд)* «яд, вырабатываемый змеями», *пушкинский (стиль)* — «стиль, созданный А. С. Пушкиным» и под. Значение субъектных прилагательных раскрывается общей формулой «такое-то действующее лицо, предмет или носитель признака», например, *экстремистские (выступления)* «выступления экстремистов» и под. Универсальная формула «относящийся к такому-то лицу, предмету» ничего не прибавляет к этим содержательным толкованиям.

Предметно-качественные прилагательные — одна из наиболее древних семантических групп, с которой связан начальный этап формирования прилагательных как части речи. Они сравнительно широко представлены в праславянском, древнерусском языках. Их яркая черта — это наличие достаточно продуктивной именной системы словоизменения, которая служит нередко основанием для рассмотрения этих прилагательных в рамках именной парадигмы (Н. С. Трубецкой, А. Вайян, Е. В. Урысон [3] и др.). В современном русском языке состав предметно-качественных прилагательных в связи с процессом более четкой дифференциации предметного и адъективного значений значительно изменился. Начиная с XVII—XVIII вв., а отчасти и в более раннее время многие прилагательные с суффиксами *-ий, -ов (-ев), -ин* с именным словоизменением были постепенно вытеснены формой родительного падежа имен существительных. С другой стороны, этот разряд слов пополнился более качественными прилагательными с суффиксами *-н, -ск, -инск, -овск (-евск), -истск* с местоименным словоизменением [4]. Именное склонение предметных прилагательных в современном русском языке уже не соответствует их качественному значению и является в известной мере пережиточным явлением. Поэтому оно не может служить основанием рассмотрения этих слов в рамках субстантивной парадигмы.

В современном русском языке предметно-качественные прилагательные составляют меньшую долю адъективных слов, чем в древнерусском языке, в тексте их объем в среднем не более 5—6% всех других прилагательных¹. Тем не менее они сохраняют все их основные семантические разновидности и проявляют подчас заметную продуктивность. Наибольшую продуктивность обнаруживают субъектные и объектные прилагательные типа *лоббистская деятельность, народный контроль, леспромхозовские работы, натриевая активность; личностная характеристика, кометная теория, спутниковые наблюдения, сернокислое производство* и др. Менее продуктивны прилагательные со значением носителя признака, владельца какого либо предмета: *регбистская резвость, сердечно-сосудистые заболевания, досафовский аэродром, медсанбатовский грузовик* и др.

Более многочисленную группу в современном русском языке образуют качественные (или качественно-однородные) прилагательные, обобщающие познанное человеком качественное своеобразие окружающего мира. Генетически эти прилагательные связаны с предшествующими, в силу чего они по традиции не отграничиваются от них и рассматриваются обычно в одной группе под термином «относительные». На-

¹ Частотность этой и других семантических групп устанавливалась на основе подсчета их употребления в текстах различных жанров. Всего было проанализировано около 22 п. л. художественной, общественно-политической (пресса), научно-популярной литературы, в которой встретилось 10 186 словоупотреблений прилагательных.